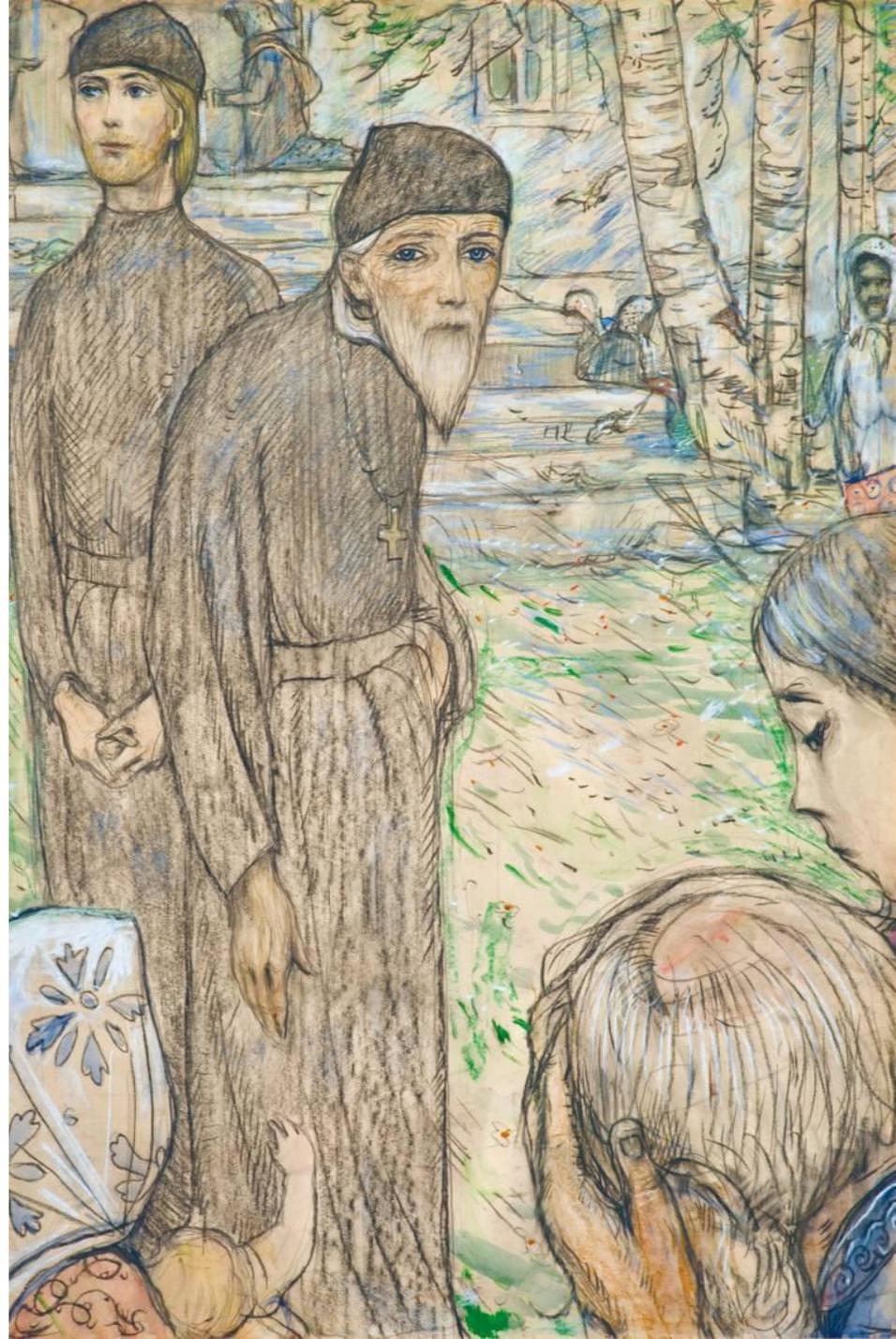
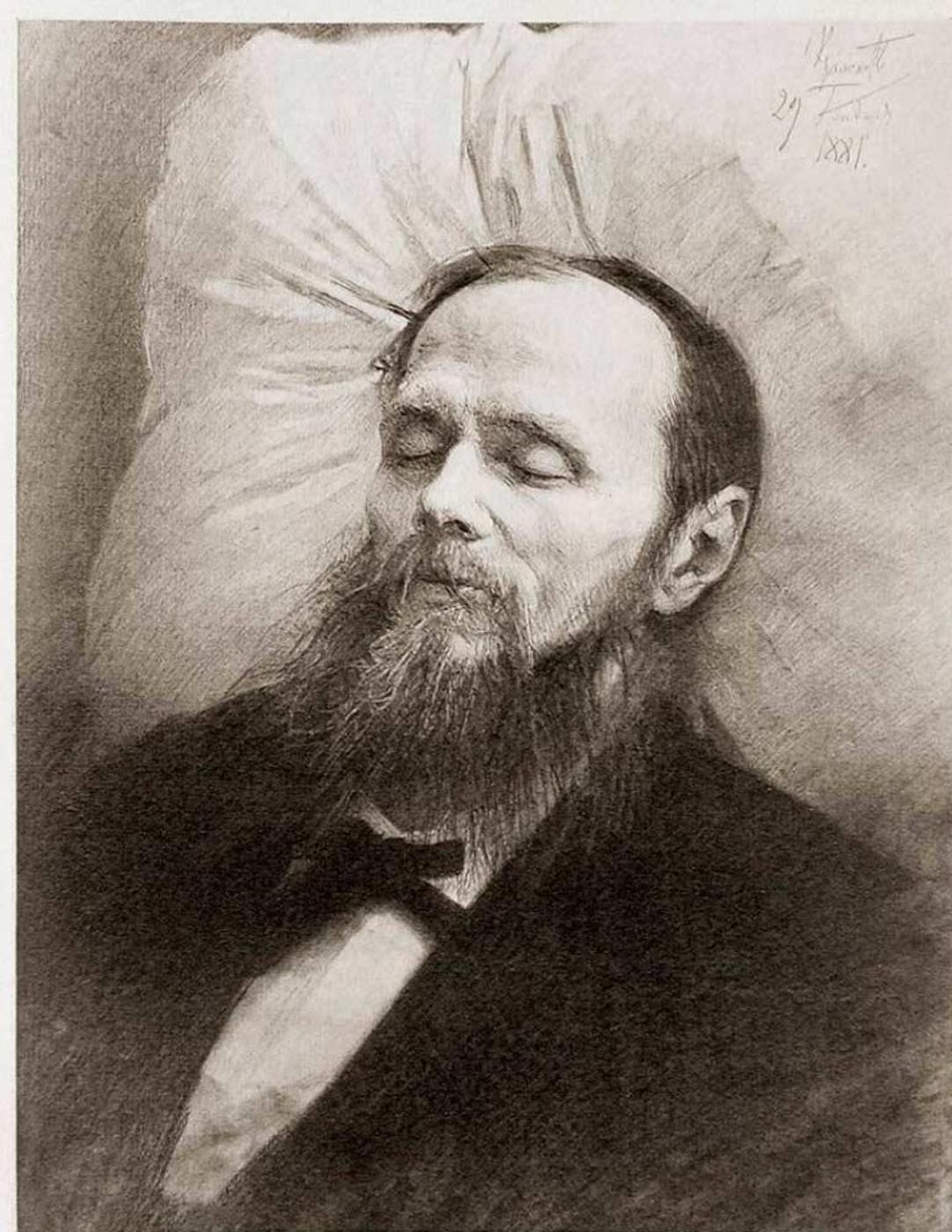

Новые черты
богословия в
эпоху
великих
реформ

«Из жития в Бозе
преставившегося
иеросхимонаха старца Зосимы,
составлено с собственных слов
его Алексеем Федоровичем
Карамазовым»

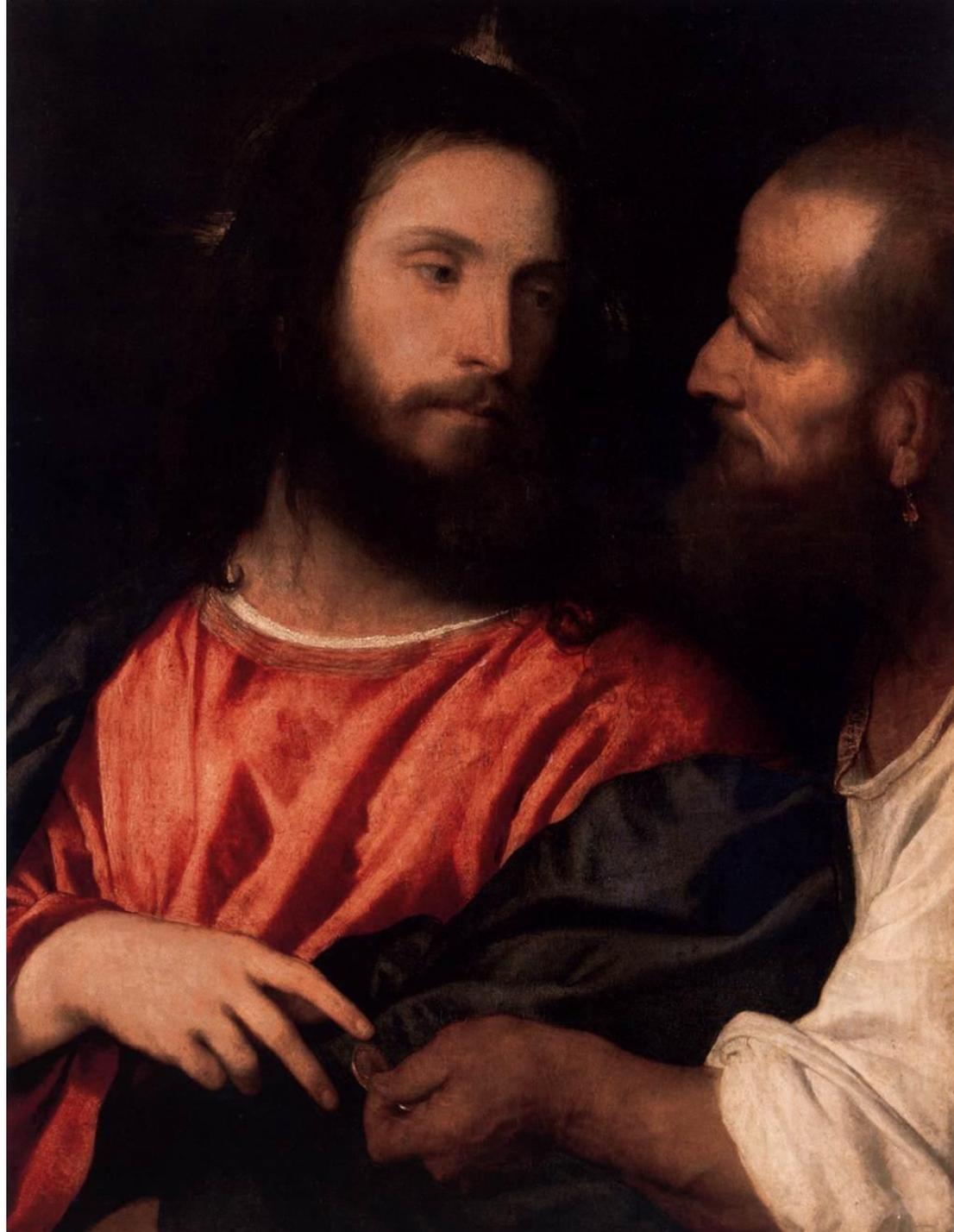

митр. Антоний
(Храповицкий): Когда умер
Достоевский, то
«произошло нечто
подобное Голгофе:
воскресли мертвые духом,
били себя в перси,
исповедуя божественное
достоинство дотоле
отвергаемого ими Христа о
Котором учил умерший»

«Прежде всего Библия,
потом церковный устав, а
на третьем месте
Достоевский»

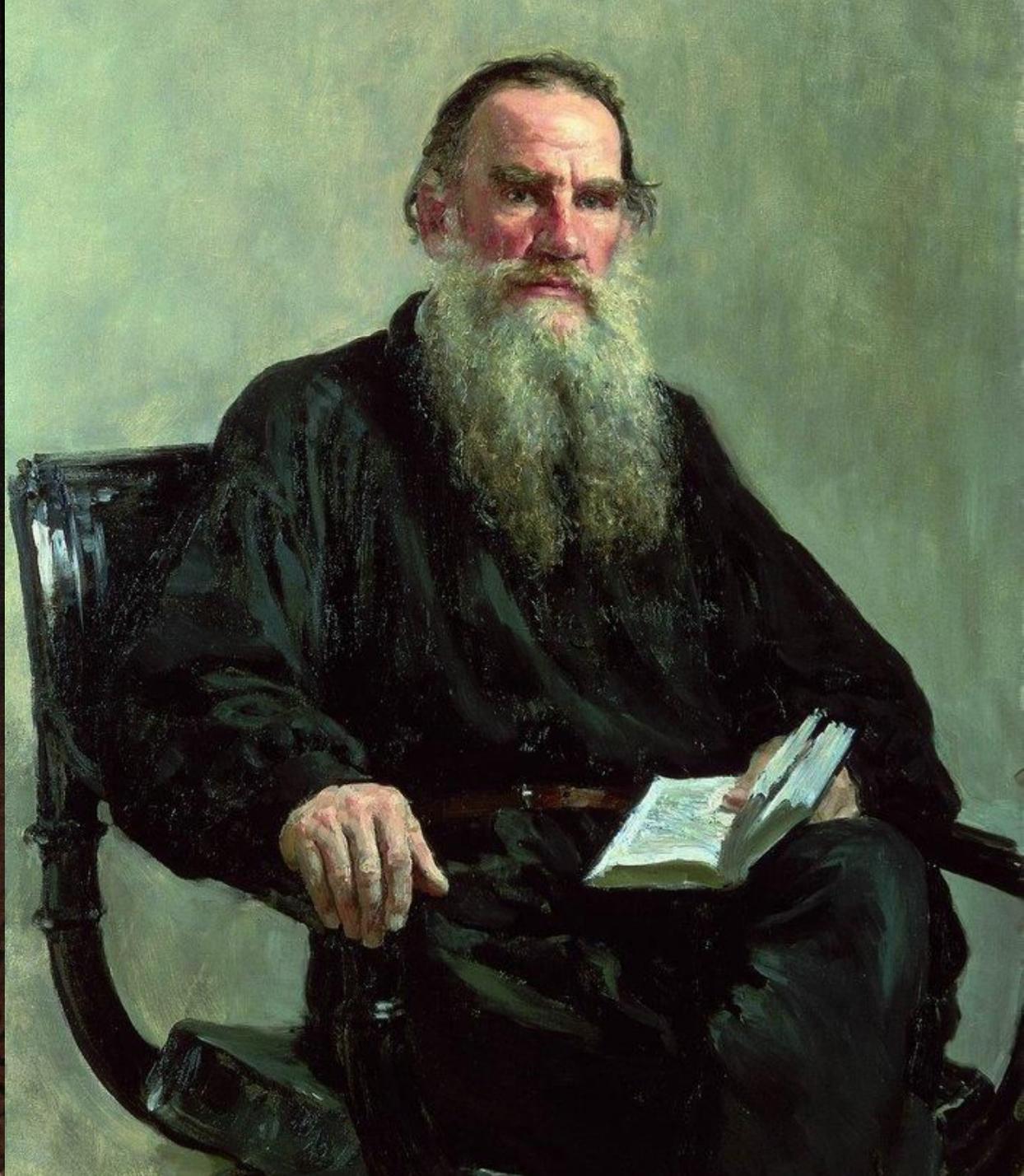

И. А. Кириллова говорила о раздвоении «образа Христа в сознании Достоевского», которое «восходит к двух, взаимоисключающим началам: возрастающее сомнение в божественности Христа (потому и увлечение красотой личности Христа как совершенного человека и идеала) и наряду с этим страстная, почти экстатическая вера во Христа».

Символ веры Достоевского

1854: «Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Н. Д. Не потому, что Вы религиозны, но потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно, потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»

Символ веры

Толстого

1852: “Верую во единого, непостижимого, доброго Бога, в бессмертие души и в вечное возмездие за дела наши; не понимаю тайны троицы и рождения сына Божия, но уважаю и не отвергаю веру отцов моих»

1854: “Верую во единого всемогущего и доброго Бога, в бессмертие души и в вечное возмездие по делам нашим; желаю веровать в религию отцов моих и уважаю ее”

Символ веры Толстого

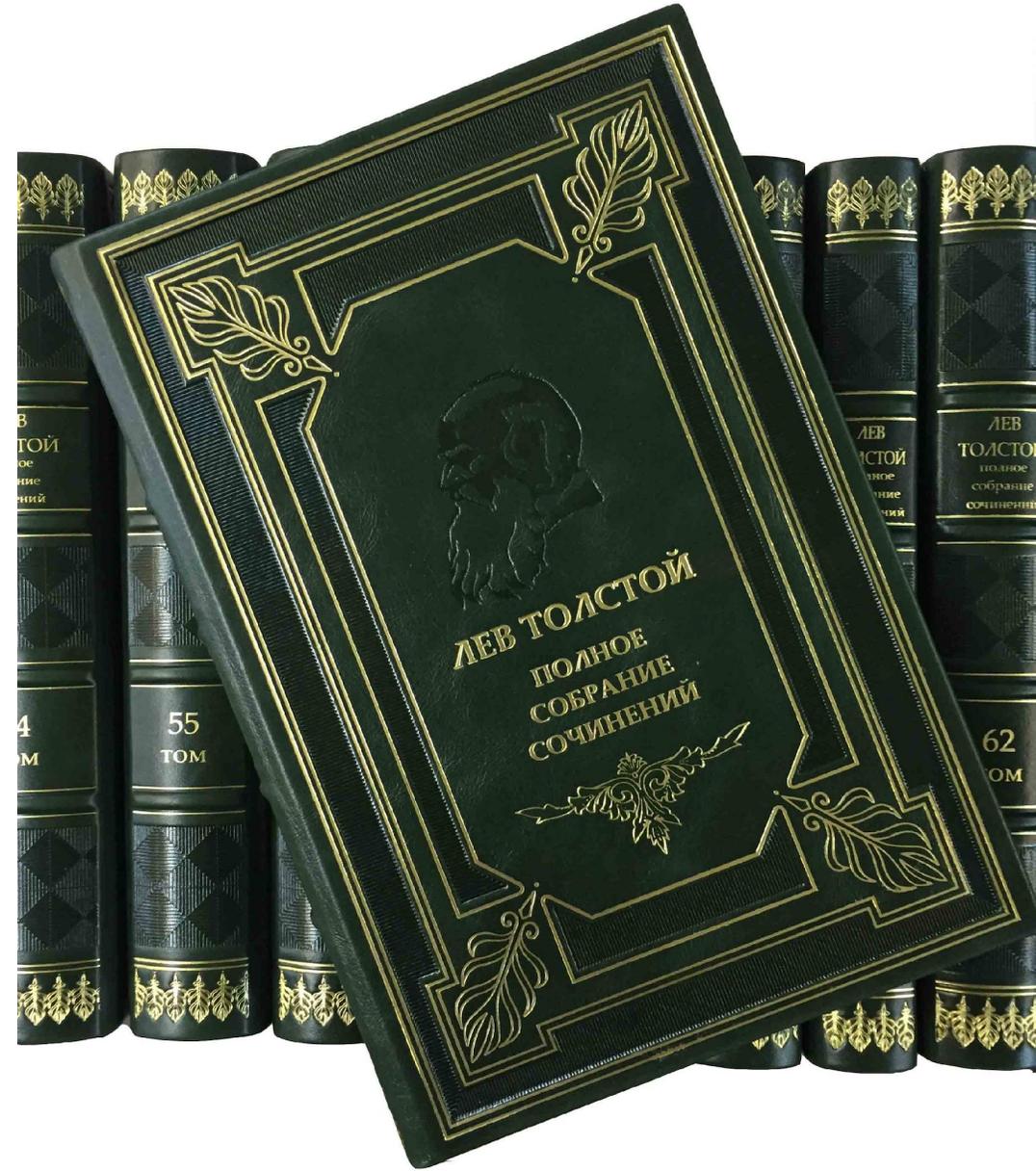
1855: “Нынче я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. – Мысль эта – основании новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня”

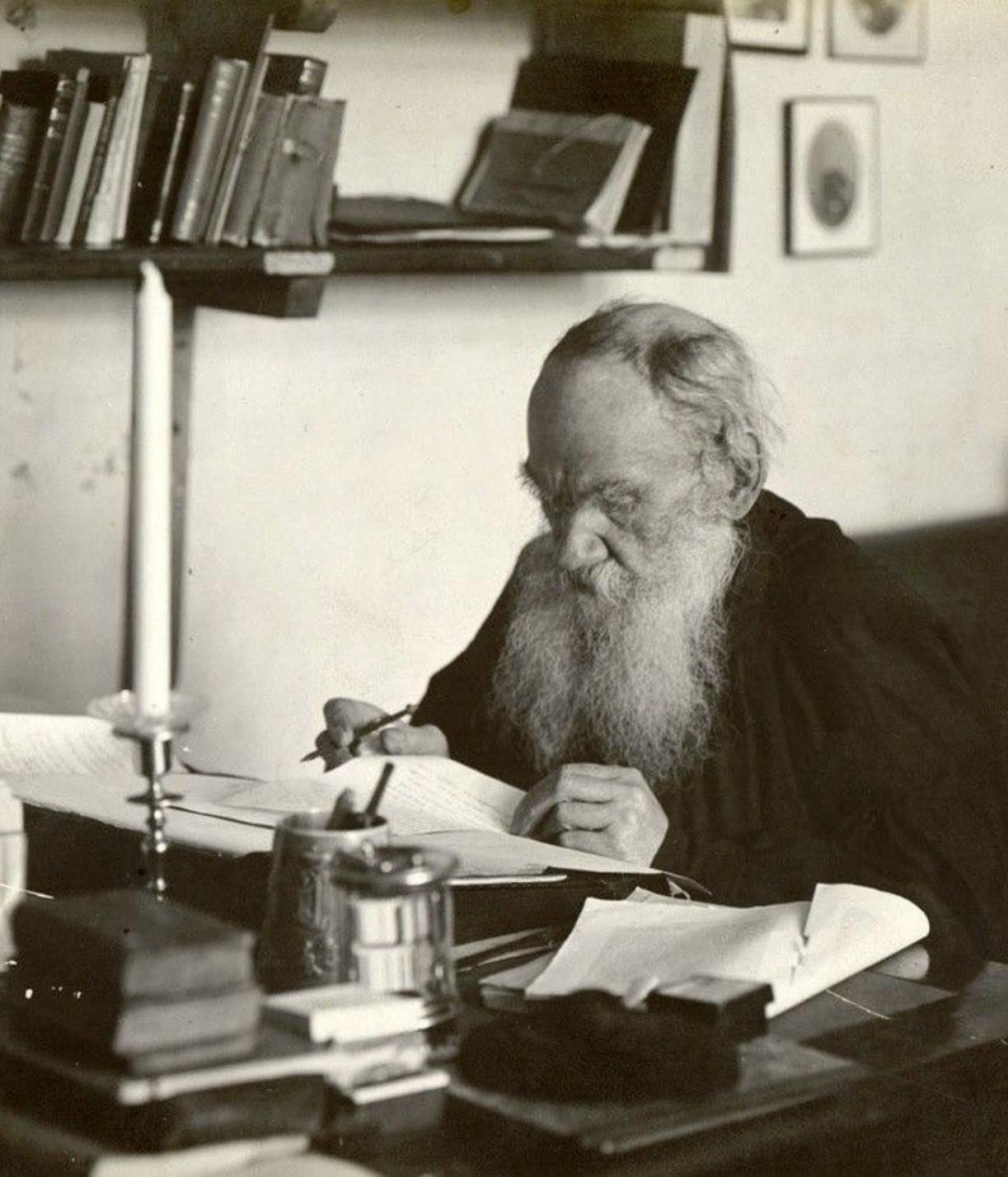

«Христианство
Толстого было
недоразумением. Он
говорил о Христе, но в
виду имел Маркса»
(Освальд Шпенглер)

Богословская «триада» Толстого: ретроспектива заданной точки зрения

- «Исповедь»
- «Исследование догматического богословия»
- «В чём моя Вера?»

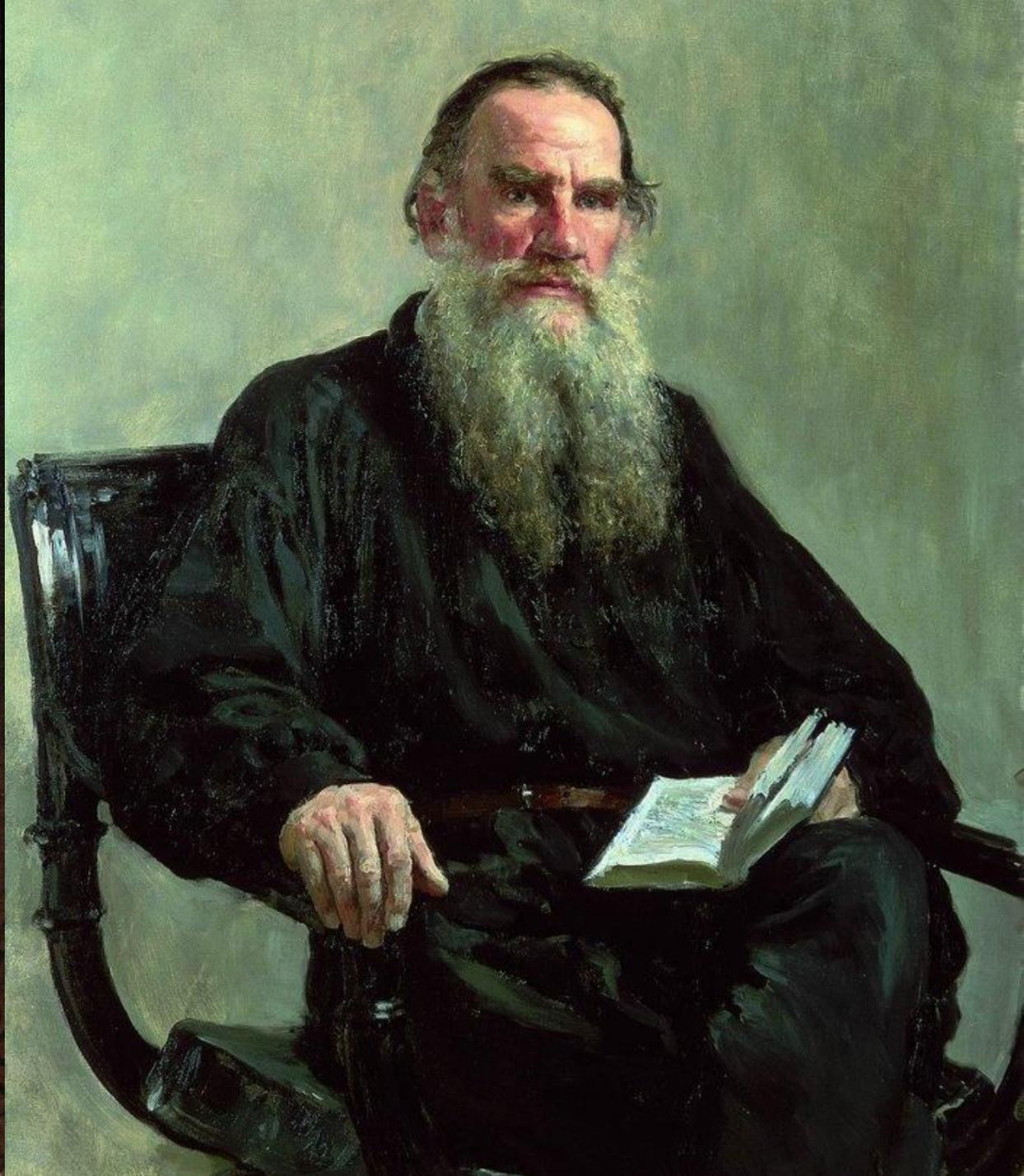
- Вера – «сила жизни», «знание смысла человеческой жизни, в следствии которого человек не уничтожает себя, а живёт»
- Отрицание доверия к внешнему авторитету – вплоть до Евангелия
- Церковь – это иерархия, они забрали себе божественную власть, но «ей богу правда»

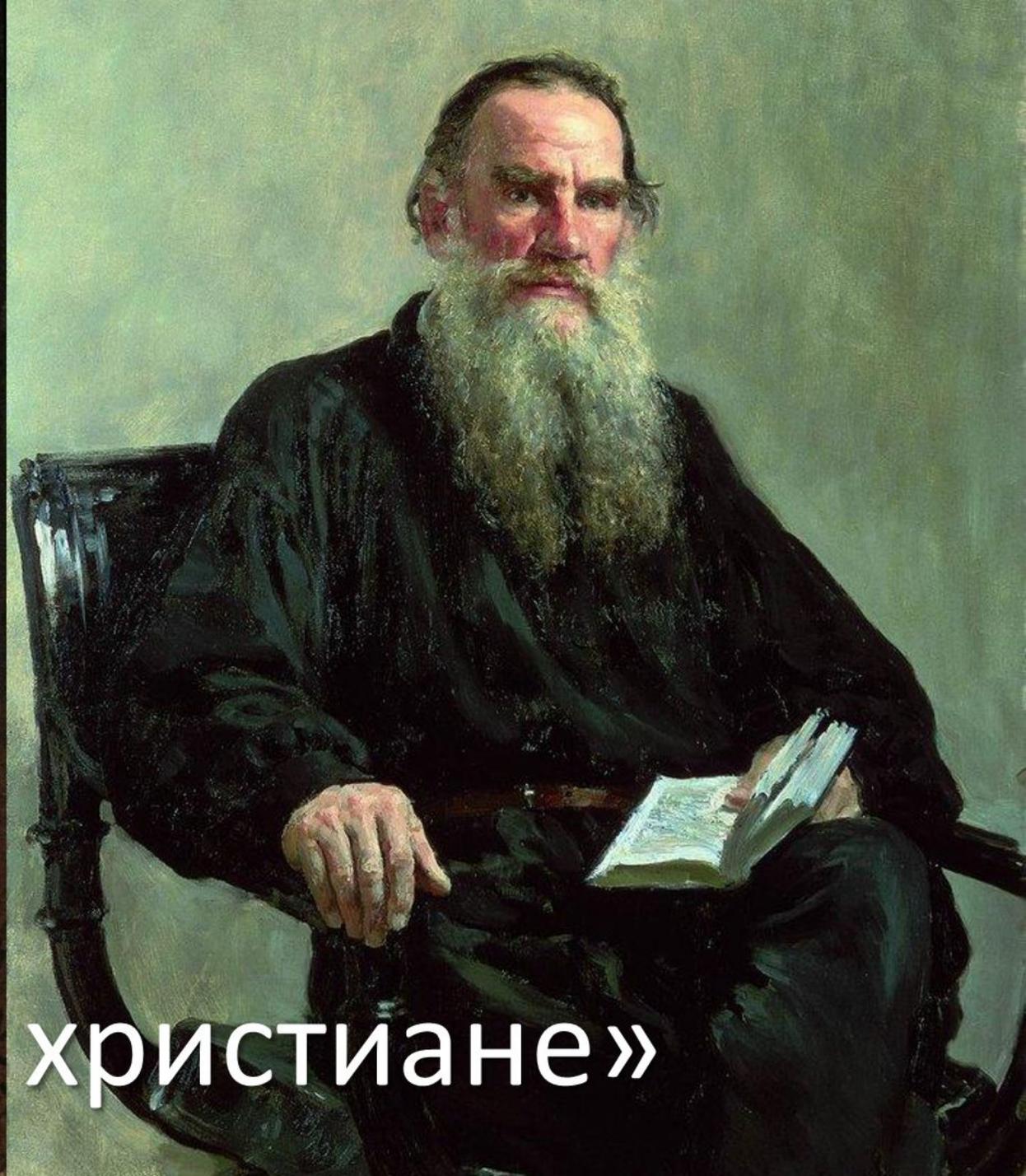
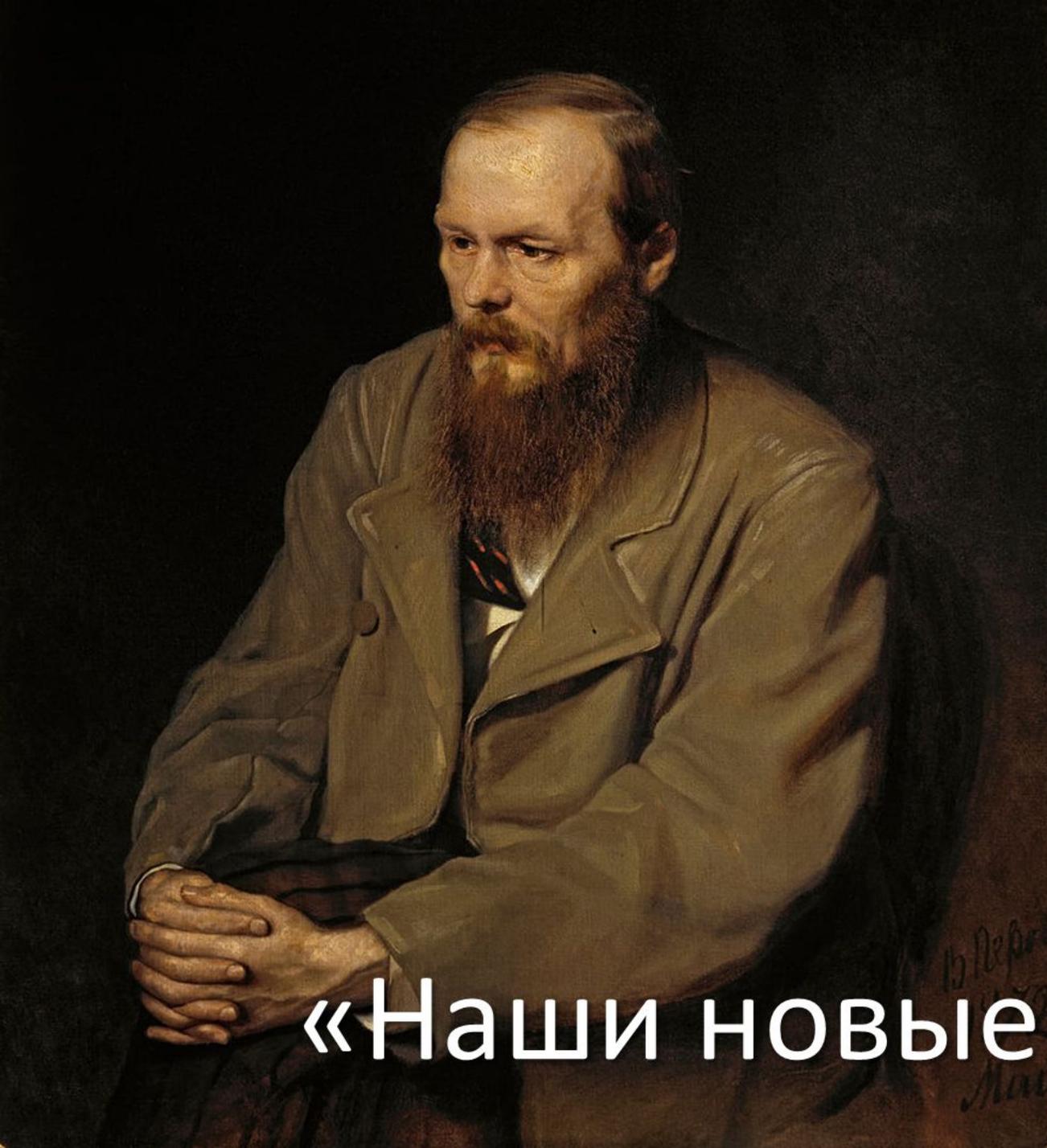

Христианство Толстого – это христианство без чуда, тайны и авторитета, то есть без Церкви

«Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нём. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека — в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведёт отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, даёт после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва, — не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5-13), а молитва, образец которой дан нам Христом, — уединённая, состоящая в восстановлении и укреплении в своём сознании смысла своей жизни и своей

«Наши новые христиане»

«Без страданий не
будет веры, ни на
вере в Бога
основанной любви к
людям»

и тот, «кто пишет о любви будто бы христианской, не принимая других основ вероучения, есть не христианский писатель, а враг христианства самый обманчивый и самый опасный, ибо он сохранил от христианства только то, что может принадлежать и так называемому демократическому